

**Историография, источниковедение,
методы исторического исследования**

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-251-264
EDN: POXTSU

**ОПИСАНИЕ КАБАРДЫ Д.А. МИЛЮТИНА
В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
КАВКАЗСКОГО ВАРИАНТА РОССИЙСКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА**

Дмитрий Сергеевич Ткаченко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
tkdmsg@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0675-6111>

Аннотация. Статья посвящена анализу рукописи Д.А. Милютина о Кабарде первой половины XIX в., которая до настоящего времени не была введена в научный оборот. Сделана попытка выявить общепринятые ориенталистские клише, использованные автором рукописи для описания как территории этнополитического образования, так и этнографии, быта, социального устройства и традиционных правовых норм его жителей.

Выявлено соответствие отдельных положений рукописи Д.А. Милютина представленной Э. Саидом концепции европейского ориентализма. Исследователь противопоставлял политический уклад и традиции жителей Кабарды европейским, романтизировал прошлое региона, использовал идею «обратного прогресса» и др. типичные приемы ориенталистов своего времени. Одновременно с этим, Д.А. Милютин описал отдельные детали политического, социального и бытового уклада жизни в Кабарде, что для современного исследователя превращает рукопись в оригинальный историко-культурный источник. Сделан вывод, что подобно многим аналогичным текстам исследователей-ориенталистов, рукопись Д.А. Милютина ценна не его политическими рассуждениями о военно-экономическом превосходстве Российской империи над народами Кавказа и необходимости установления внешнего управления над этническими территориями, сколько необычайно точно подмеченными деталями жизни, быта, истории, культуры описываемого народа.

Ключевые слова: ориентализм, Д.А. Милютин, Кабарда, военно-статистические описания, Российская империя, Кавказ.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

Для цитирования: Ткаченко Д.С. Описание Кабарды Д.А. Милютина в контексте становления кавказского варианта российского ориентализма // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 251-264. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-251-264. EDN: POXTSU.

© Ткаченко Д.С., 2023

Original article

**THE DESCRIPTION OF KABARDA BY D.A. MILUTIN
IN THE CONTEXT OF THE CAUCASUS VERSION
OF RUSSIAN ORIENTALISM FOUNDATION**

Dmitrii S. Tkachenko

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, tkdmsg@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0675-6111>

Abstract. The paper pertains to the analysis of a manuscript authored by D.A. Milutin in the first half of the 19th century, regarding the region of Kabarda. This manuscript, hitherto unpublished in academic circles, has been the subject of our examination. Our endeavor was to uncover the utilization of orientalist clichés by the manuscript's author, in order to depict both the geographical delineations of this ethno-political entity and the ethnography, livelihood, societal structure, and customary legal norms of its inhabitants.

A remarkable parallel can be observed between certain aspects of the manuscript and the ideas propounded by E. Said in his discourse on European Orientalism. The researcher drew a comparison between the political framework and traditions of the Kabardian people and those prevalent in Europe. Moreover, the researcher romanticized the region's historical past, employing the concept of "reverse human progress," along with other typical methodologies embraced by Orientalist thinkers of that era. Concomitantly, D.A. Milutin provided detailed descriptions of the political, social, and everyday existence in Kabarda, thereby endowing the manuscript with an intrinsic value as an original historical and cultural resource for contemporary scholars. It is concluded that, similar to numerous analogous texts produced by Orientalist scholars, the significance of D.A. Milutin's manuscript lies not in its political arguments concerning the military and economic dominion of the Russian Empire over the Caucasian peoples, or the imperative to extend colonial governance to these ethnic territories; rather, its true worth resides in the remarkably astute observations it offers on the life, history, and culture of the people it portrays.

Keywords: Orientalism, D.A. Milutin, Kabarda, military-statistical survey, Russian Empire, Caucasus.

Gratitude and funding. The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-00302, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00302/>

For citation: Tkachenko D.S. The description of Kabarda by D.A. Milutin in the context of the caucasus version of russian orientalism foundation. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 251-264. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-251-264. EDN: POXTSU.

© Tkachenko D.S., 2023

В 30-40-е гг. XIX в. в связи с разрастанием масштабов российско-горского противостояния на Кавказе среди людей, занятых выработкой военных, административных и политических мероприятий, возникла все большая потребность обратиться к тем знаниям, которые были накоплены в ходе контактов с народами, проживавшими в различных регионах. Современные кавказоведы отмечают, что собранные имперскими военными исследователями материалы отражают определенный временной срез развития этнических групп и активно занимаются разработкой на их основе различных вопросов социально-экономического, политического и культурного развития народов Северного Кавказа [Гарданов 1967; Кумыков 2003; Кажаров 2014; Бейтуганов 2007; Кузьминов 2009]. При этом проблема влияния собранного в XIX в. знания на корректировку проводимой в регионах политики оставалась за рамками их внимания и начинает осознаваться только в самое последнее время [Кузьминов 2018].

В общетеоретическом аспекте концепция связи процесса получения знаний с организацией имперского управления неевропейскими регионами была поднята Э. Саидом в его работе, посвященной анализу так называемого «ориентализма» [Саид 2021]. Под ним исследователь понимал совокупность сложившейся системы взглядов европейцев на народы Востока, возникших на их основе научных дисциплин, описывающих Восток и выработанного политическими кругами метрополии механизма колониального управления неевропейскими регионами [Саид 2021: 19-22]. Саид выдвигает тезис, что понимание стиля мышления восточных людей должно было стать ключом к организации успешного управления, причем, чем больше нужно было получить власти над регионом, тем глубже должны были быть знания европейцев о нем и проживавших народах [Саид 2021: 36].

При всей дискуссионности работы Саида, в настоящее время невозможно говорить об ориентализме, не имея в виду весь предложенный этим исследователем контекст колониальных отношений, основанных на выстраивании образа «деградировавшего другого» [Knight 2000: 75]. Однако, при применении этой модели к реалиям «российского востока» возникают существенные накладки, требующие вносить в саидовскую концепцию ориентализма некоторые корректировки. Целью данной статьи стал анализ того, как в кругах российских военных исследователей середины XIX в., составлявших военно-статистические описания Кавказа проявлялись общеевропейские ориенталистские клише, а какие реалии жизни описываемых ими регионов требовали корректировки общепринятых стереотипов.

Одним из людей, занятых в XIX в. интеллектуальным освоением Кавказа, стал Дмитрий Алексеевич Милютин. Как и многие офицеры своего времени, он начинал свою карьеру со службы в Отдельном кавказском корпусе: участвовал в военных экспедициях на Северо-Восточном Кавказе, а также выполняя обязанности офицера Генерального штаба, активно занимался сбором сведений о регионе. В 1840-е гг. Милютин преподавал в Академии Генерального штаба, где на основе собранных им кавказских материалов, разработал курс военной статистики [Милютин 1846]. Он написал несколько статей, посвященных народам Кавказа, а также выступал с идеей составить историю региона, положив в ее основу нарратив о распространении Российской власти. Помимо опубликованных мемуаров [Милютин 1919], сохранился обширный архив Д.А. Милютина, в котором представлены разноплановые материалы, в том числе и те, которые отложились в ходе научно-исследовательской деятельности графа по составлению истории Кавказа [НИОР РГБ. Ф.169].

Частью созданного Милютиным материала является рукопись, посвященная Кабарде, которая, судя по названию, создавалась им как составная часть общих «Заметок о племенах Кавказских» [НИОР РГБ. Ф. 169.К.81]. Их, судя по логике изложения и систематизации материала, автор планировал представить в разделе обобщающего труда по истории Кавказа, созданного на основе своих значительно переработанных и дополненных ранних работ [Милютин 1848]. Это прослеживается в том, что описание Кабарды в рукописи представлено не как исторический очерк, а дано в общей логике составления военно-

статистических описаний, разработанных для офицеров Генерального штаба еще генералом А.И. Нейдгартом [НИОР РГБ. Ф.68. Оп.1. Д.49.]. Рукопись Милютин содержит разделы, посвященные описанию границ, природы, рельефа местности, экономического, политического и военного уклада Кабарды, с включением в них обширных историко-этнографических сведений. Сообщая их, автор сделал акцент на военно-политической информации, так как целью составления описания являлась желание Милютин помочь российским военно-гражданским властям организовать имперское управление на территории Центрального Кавказа, показать военный потенциал региона и предостеречь от возможных ошибок, связанных с недостаточным знанием культуры, обычаев и традиционных правовых норм кабардинцев.

Автор начинает свой очерк с разбора различных гипотез о происхождении кабардинцев, отмечая, что по этому вопросу имперская наука может

«представить только некоторые догадки, предположения, аналогии и суждения. По всем научным прикидкам, кабардинцы одного происхождения со всеми Закубанскими племенами, известными у нас под общим условным именем “черкесов”: хотя у них свой язык, но как говорят люди, знающие этот язык, он собственно есть только особое наречие одного общего языка адиге» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 1].

Считая кабардинцев не автохтонным, а пришедшим на Кавказ в позднее время народом, Милютин отмечает крайнюю сложность прояснения вопроса о прародине кабардинцев на основе сохранившихся преданий.

«На этот счет в преданиях между Кабардинцами существует несколько вариантов: то родоначальниками их были выходцы из Аравии (Впрочем, это предание относится исключительно к княжеским фамилиям. Князья считают себя отличными от своих подданных), – то из Египта, и т.п. Один ученый магометанин говорил мне, что он вычитал в одной арабской книге, что родоначальниками всех черкесских племен были выходцы из Средней Азии, что они под конец поселились в Крыму и уже оттуда начали постепенно переселяться на берега Черного моря и на Кубань. Ученые иное толкуют: они связывают черкесов с племенами на берегах Черного моря и потомками тех племен, о которых упоминают Греки древних времен» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 1 об.].

Правдоподобную историю Кабарды Милютин предлагает отсчитывать от времени упадка Золотой Орды, в ходе которой, пользуясь ослаблением монголов в Великой степи,

«кабардинцы все умножались: они занимали одну из самых прекрасных и им дражайших частей равнин Кавказских по Малке, Тереку, Сунже, – и мало-помалу разместились во все стороны: они сделали данниками своими соседних горцев: с одной стороны (к Юго-Западу) – карачаевцев, часть абазинцев; с другой (к Югу) тагаурцев, урусбиевцев, часть Осетин и пр. С другой стороны – карабулаков, наврузов, ингушей и других чеченцев» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 1 об.].

Вслед за учеными-ориенталистами своего времени, Милютин исходил из мысли, что расцвет восточных обществ приходится на их прошлое, которое показывает контраст с современным состоянием народов [Jersild 2002: 6]. Для Ка-

барды таким романтизированным прошлым выступала вторая половина XVIII в., когда, по словам военного исследователя, ее жители

«владели всею плоскостью между Терекком и Сунжей до самого Брагунского владения, все окрестные горцы, самые дальние (Северо-Восточные) чеченцы трепетали кабардинцев, точно так, как с другой стороны – кумыков; так что кабардинцев и кумыков можно тогда считать двумя соседними враждующими народами» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 2].

Упадок этнополитического образования пришелся на конец XVIII в., когда Центральный Кавказ потрясла эпидемия чумы,

«которая с перерывами длилась 25 лет и опустошила Кабарду: наибольшая часть населения погибла, даже скот и лошади, составлявшие все достояние и славу кабардинцев были истреблены, все пришло в упадок и теперь народ этот, стал подобием одной прежде цветущего, блестящего и славного народа кабардинского» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 2 об. – 4],

– писал Милютин. Представляется, что в приведенном выше фрагменте рукописи, автор четко отражал ориенталистский дискурс – своей интерпретацией ранней этнической истории Кабарды, обеспечивал необходимую для ориентализма «циркуляцию набора установок и правил» [Саид 2021: 19].

С чумой автор также связывает и окончательное распространение Ислама, который европейские авторы традиционно считали одной из ведущих культурно-идеологических основ стагнирующего состояния восточных обществ [Laisram 2006: 3].

«Когда бедственный бич начал опустошать страну, – пишет Милютин, – муллы начали внушать народу, что это справедливое наказание, посланное Богом за равнодушие кабардинца к религии. В бедствии народ был слаб, как каждый человек в беде... поэтому муллы и кадии сумели внушить кабардинцам все, что им было нужно для утверждения своей веры и влияния. Они устраивали все обряды и постановления мусульманства, заставляли строго выполнять все запрещения и предписания этой религии. Они прошли, по-видимому, по каждому селению: запрещали брить бороду, курить и нюхать табак и прочее, а в постигших бедах винили европейские обычаи и установили новый порядок в суде и расправе – ввели на место древнего суда по прежнему обычаю адата, суд духовный (шариат), по которому вся судебная власть передавалась духовенству. Чума многое переменяла даже в нравах и обычаях народа» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 4].

К исламу у Милютина было двойственное отношение. С одной стороны, трактовка истории распространения этой религии в Кабарде помогала русским администраторам обосновать тезис о «наносном характере» этой религии и превалировании над ней древних народных верований, что было важно для подтверждения основных идей ориентализма. С другой стороны, автор считал, что с политической точки зрения, распространение Ислама было выгодно для Российской империи, так как благодаря новой религии

«кабардинцы сделались народом магометанским и слабым, перешедшим в покровительство России и подчинились русскому правительству. С 1807 года мы начали вмешиваться даже во внутреннее управление и устройство Кабарды, меняя по произволу нашему их узаконения» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 4 об.].

Автор приводит также краткую историю исламского и православного миссионерства в Кабарде, закончившуюся победой мусульманства.

«При царе Иоанне Васильевиче Грозном был отправлен к ним миссионер; но по невежеству ли своему, или по незнанию языка туземного – не имел он никакого успеха, и турецкие проповедники перебили их, с большим успехом привив Кабардинцев на сторону мусульманства. – Выше также разъяснено было, что только с начала нынешнего столетия, по старанию мулл, Кабардинцы проявили преданность мусульманскому исповеданию и начали строго исполнять весь обряд и предписания этой религии. Видно из некоторых постановлений, что уважение к религиозным обрядам было у них вводимое по принуждению, например, положение брать штрафы ценою около 5 р. серебром с того, кто не приходит в мечеть в праздник Джума» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 12 об.].

По словам Милютин, Российское внешнее управление помогло улучшить состояние Кабарды и, умиротворив ее, приводит ко все большему прогрессу. Свою мысль автор подтверждает тезисом что несмотря на то, что передвижение российских транспортов от Екатеринограда до Владикавказа и производится под военным конвоем, он выставляется для охраны не от местных жителей, а от проникающих в Кабарду посторонних горских партий, «которые могли свободно проходить по обширным Кабардинским равнинам из Чечни» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 5].

После краткого обзора ранней этнополитической истории Милютин приводит обстоятельное описание «пространства и границ», топографии: рек и гор, а также природных богатств Кабарды [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 5-8 об.]. В этом описании можно проследить характерные для европейского колониального нарратива мотивы отрыва территории от ее жителей. Автор считает Кабарду одной из «обширнейших и плодороднейших частей Кавказа» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 5], ее природу «чрезвычайно разнообразной и щедрой на дары свои» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 7], которая может предоставить все необходимое для ведения хозяйства: пахотные земли, роскошные пастбища, различные сорта древесины и т.д. Однако, описывая долины, луга и предгорья Кабарды, автор представляет их абсолютно пустынными – без следов людей, которые столетиями здесь проживали: в тексте нет ни одного местного этнического топонима, ни единого упоминания, кто из кабардинцев живет в описываемой местности. При этом Милютин нельзя обвинять в присутствии многим европейским авторам XIX в. так называемом «текстовом апартеиде» [Pratt 1992: 61] – попытке представить пустующие земли годными исключительно для их европейской колонизации. Являясь одним из наиболее организованных в военном и политическом отношении этносом Центрального Кавказа, кабардинцы представляли значительную силу, с которой имперским властям следовало считаться. В связи с этим, автор, хоть и оторвал в своем повествовании местных жителей от заселенной ими территории, но не мог не посвятить отдельные разделы своего военно-статистического описания политическому и социальному укладу, жизни и быту, а также правовым нормам кабардинцев.

Автор отмечает, что

«в сравнении со всеми горскими Кавказскими народами кабардинцы далеко ушли вперед в степени просвещения и в образованности. Даже среди горцев они пользуются особой репутацией, того рода, как будто между европейцами французы и англичане» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 8 об. – 9].

Сравнение кавказских народов не только между собой, но и параллели с европейскими народами, проводимое в тексте, показывало не только европоцентричный взгляд Милютинина, но и отражало одну из особенностей составления описаний колонизируемых народов авторами XIX в. Они, по точной оценке М. Пратт, часто использовали так называемый, «социологический подход», призванный показать преимущества европейцев. Авторы выстраивали свое повествование о жителях отдаленных регионов по тем же параметрам, по которым европейцы судили о себе. В расчет брались: взгляды и обычаи, религия, система управления, экономика, профессии, семейные и правовые отношения, образование и др. Часть присущих европейским обществам признаков, у жителей имперских окраин отсутствовала, и в избранной системе координат европейцы выглядели гораздо более развитыми, чем «отсталые туземцы» [Pratt 1992: 43].

Эту особенность ярко демонстрируют отдельные сюжеты из исследования Милютинина. Он отмечает, что кабардинцы на Кавказе

«слынут законодателями вкуса и моды, – да, моды: кто поверит, что у горцев есть своя мода, – только нет журналов с картинками. мода у горцев преимущественно наблюдается в мужском костюме и следуют ей молодцы – джигиты, которых у нас в Европе, назовут *les lions*. Они дают образцы в наряде чекменей, в цвете их, в образце материи, как носить оружие и проч. и проч. Разумеется в костюме их и оружии, нам – простакам, трудно заметить эти нововведения, но горцы так взыскательны в своем костюме, как и наши западные французы: то мода носить чекмень по-джигитски, то цвета желтоватого, то верблюжий, то расшитый, то какого-нибудь темного цвета и т.п. Разумеется, все это относится к высшему классу народа, к людям богатым, хороших фамилий, а в особенности, молодым удалцам (джигитам). Между тем и соседние племена перенимают у кабардинских французов. Разумеется, этим вовсе не занимаются нищие горцы, обитатели дальних ущелий, которые... о костюме вовсе не думают и также далеки от щеголей кабардинских, как далек от наших французов мужик в грязной рубахе» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 9].

В данном контексте сравнение кабардинцев с французами не только выглядело иронично, но и выстраивало целую иерархию «дикости» среди кавказских народов, в которой занимавшие высшую ступень кабардинцы были все равно далеко не равны европейцам.

Вместе с тем текст этнографических описаний Милютинина хорошо демонстрирует идею Э. Саида о позитивной стороне ориентализма, который не состоит целиком «из лжи и мифов, которые бы, если бы была рассказана правда, просто развеялись» [Саид 2021: 25]. Европоцентризм не мешал Милютинину с восхищением описывать не только праздничный наряд знатных княжеских фамилий, который, по его словам, был «достойно великолепен и красив» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 9 Об.], но и функциональный наряд джигитов.

«Джигит одет просто, – пишет он, – но любо смотреть как все части его костюма и вооружения хорошо пригнаны, как все опрятно, щегольски сшито, как чекмень обтягивает стройное тело, как талия перетянута красивым ремнем с серебряными украшениями, как красивые сафьяновые чуваки обхватывают его маленькую ногу, как ноговицы обрисовывают его икры, как меховая шапка грациозно натянута на голову, как шашка и пистолет ловко повешены на свои места, нигде у него не брякнет, не лишит свободы движения. И посмотрите эту развязную походку! Какое кокетство, с которым происходит его движение, как красивы все члены его тела, как рыщет он своими ногами и ловко передвигает тонкий стан свой. Его движения причудливо извилисты, но они грациозны, он развязан, но как будто ненатурален: в его виде и в приветствии есть... манера, которая и у горцев, считается нужной для отличия благовоспитанного человека высшего круга» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 9 об. – 10].

Романтизация Кавказа, присущая авторам первой половины XIX в. [Jersild 2002: 61] в этом описании органично сочетались с общеевропейскими идеями эстетического ориентализма – призывом изучать Восток ради его оригинальности и самобытности [Nash 2016: 113].

В этнографической части своего труда Миютин уделил внимание описанию горских жилищ.

«Кабардинцы живут довольно просто, – пишет он: – жилища их похожи на Чеченцев и Черкесов, т.е. состоят из мазанок (турлучных изб), обмазанных глиной, большая часть с плоской крышей и галереей спереди. Каждый двор имеет отдельное устройство, огорожен плетнем и занимают в середине несколько разных изб, составляющих разные отделения домашнего обзаведения зажиточного Кабардинца. Одно отделение – женское, тут все семейство хозяина, который входит туда ровно на ночь, а днем сидит в другом отделении, или другой избе, называемой кунакской, ибо здесь хозяин принимает и гостей своих. Другие отделения посвящены разным хозяйственным целям: тут живут слуги и дворня, и пленники, и т.п. Среди двора вырыта большая яма, в которой хранятся зерновые запасы. Одним словом, жилища и хозяйственное устройство почти совершенно сходно у Кабардинцев, как и у Чеченцев, живущих на плоскости, о которых было уже столько говорено» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 11 об. – 12].

По замечанию Милютина сходство кабардинцев с другими горскими народами наблюдалось не только в устройстве быта, но и в общих чертах народного характера. При этом он отмечал, что в последнем

«есть и некоторые отличительные черты; например, они особенно, больше других уважают гостеприимство, любят угощать гостей; весьма уважают родственные связи, следуют свидетельствам, всяким договорам, условиям и клятвам» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 12].

Вместе с тем, отмечая общее сходство жизненного уклада с другими горскими народами, исследователь подчеркивал, что

«устройство Кабарды преимущественно перед всеми другими подобными Кавказскими народами, достигло большего развития и вошло уже в определенные формы» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 17].

Автор считает политическое устройство этого этнополитического образования имеющим

«во многом сходство со старинным феодальным устройством Западной Европы, а еще более – с устройством России в период уделов... Вся Кабарда представляет как-бы конфедерацию нескольких владений, имеющих устройство подобно феодальному. Власть княжеская, несмотря на свой деспотизм и произвол, чрезвычайно уважаема народом, гораздо более чем было в Европе в срединные времена; там зависимость и власть были единственно основаны на силе; в Кабарде они твердо опираются на одной привычке, на обычаях старого времени» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 17 об. – 18], – писал он.

Приведенное Милютиным описание политического устройства Кабарды хорошо иллюстрирует один из тезисов западных исследователей о том, что при описании имперских окраин европейские авторы часто исходили из идей так называемого «обратного прогресса» [Nash 2016: 113], проецируя на неевропейские народы реалии европейского прошлого. Так, у Милютина не вызывало сомнения

«сходство в устройстве Кабарды с древним устройством нашего отечества. В глаза это будет бросаться на каждом шагу, – писал он, – и, читая правила поведения, Кабардинским обычаям на различные случаи гражданского и уголовного права установленные, нельзя ни вспоминать нашей Ярославовой Русской Правды» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 18 об. – 19].

Отсылки к реалиям европейского феодализма помогали автору также разбираться в сложной и запутанной для европейца системе взаимных прав и обязанностей различных социальных страт.

«Вообще должен заметить, что в Кабарде не хуже, чем в Великобритании господствует строгая иерархия в родах и фамилиях, старшинство между Князьями и узденями соблюдается не менее старшинства в чинах воинской службы» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19 об.], – делает он вывод.

Пытаясь соотнести стратификацию горских народов с русской феодальной системой, Милютин описывает привилегии, права и обязанности отдельных социальных групп.

«Уздени 3-го и 4-го разрядов могут быть сравниваемы со средним сословием. И те, и другие – суть как бы почетные служители: одни в Княжьей свите, другие у первостепенных и второстепенных фамилий» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19 об. – 20], – пишет автор.

В целом Милютин считал социальные отношения в Кабарде высоко развитыми, по сравнению с другими горскими народами. Особое внимание он уделил описанию княжеских фамилий, происхождение которых он объяснял старинной народной легендой о сыновьях легендарного владетеля Инала – Джембулате, Мисосте и Атажуке, ставших основателями главных княжеских родов.

«Князья владеют аулами на основании прав, утвержденных одним временем и привычкою, поэтому между ними беспрестанно происходят споры и тяжбы о владении землями и угольями; так как права на владение не подтверждены никакими актами, то разбор их почти невозможен, – и которые большей частью своей, нередко доходят до драки и даже до смертоубийства» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 15 об. – 16], – пишет автор,

делая из приведенного материала типичный вывод о том, что только разумное имперское правление, которое упорядочивает социальные отношения и производит правильное размежевание земли, способно навести порядок на этнической территории [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 16]. При этом автор сожалел, что правильно размежевана земля только у князей Бековичей-Черкасских, которые сами находятся на военной службе России.

«Теперь кн. Бекович владеет обширной и богатейшей землей на правой стороне Терека, в самом углу, образуемом изгибом этой реки. – Со временем если край Кавказский когда-нибудь совершенно успокоится и начнет продвигаться вперед в гражданском своем устройстве, князья Бековичи-Черкасские будут одними из больших помещиков России» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 16 об.], – делает вывод автор.

Следом за князьями в социальной иерархии выступали уздени, которых Милютин предлагал делить на три разряда.

«Глокотлепшь (тлекотлеши), т.е. «высокоразрядные» и «высокостепенные», называемые просто «степенными», составляют род дворянства, то есть независимо от князей владеют своими участками на правах владельческих, и отличаются от князей только титулом и некоторыми мелкими привилегиями относительно гражданского и уголовного права» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19],

– пишет автор, детально перечисляя фамилии привилегированных узденей.

Следует отметить, что Милютин сравнивал представителей этой социальной страты со средневековым дворянством, отмечал сходство в их обязанностях служения князю с известными ему средневековыми практиками, а также говорил о сильной иерархичности кабардинского общественного устройства.

«Как старший князь в роду играет известную роль повсюду, так каждая фамилия первостепенных узденей требует уважения и повинностей от младшей, и сама не забывает отдавать доходную почесть старшей. Младший в роде не имеет прав перед старшим, так как уздень не сидит перед князем иначе как по особому приглашению последнего» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19 об.], – пишет он.

Узденей следующих двух разрядов Милютин считал аналогом европейскому среднему сословию.

«И те, и другие суть как бы почетные служители: одни в княжьей свите, другие у первостепенных и второстепенных фамилий» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19 об.], – писал он.

Милютин считал, что европейскую систему феодальных прав и обязанностей можно распространить и на анализ отношений между князьями и узденями в Кабарде.

«Отношения между князем и узденем суть обоюдно обязательная, – писал он, – ибо и князь обязан со своей стороны покровительствовать своему узденю, защищать его от обид, награждать его заслуги, делиться с ним выгодами и добычей, – так князья награждают узденей оружием, лошадьми, скотом, холопами и холопками. Князь и уздень делают взаимные

вспомоществования, как например, при женитьбе – князь, получив за дочь свою калым, уделит из него часть своему узденю, – и обратно, если жениться сам князь, то уздень помогает ему в уплате калыма» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 20].

Отдельно автор останавливается на описании положения зависимых сословий, которое он считает очень тяжелым. Если положение так называемых «чагаров» он сравнивал с «дворовыми людьми» русских помещиков [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 20 об.], то положения «ясырей» по всем своим параметрам было похоже на классическое рабство.

«Холопы или рабы – считаются уже как вещь, имущество; они перепродаются, размениваются и проч. Не только князья и уздени, но и чагары имеют право владеть холопами, однако же чагар без позволения своего господина не может ни продать, ни выменять своего холопа. Господин может сделать из холопа чагара, т.е. сделать его вольным и тогда он ставит уже в третьем разряде черного народа – отпущенником. Это напоминает Римское право» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 20], – пишет Милютин.

Сравнение с античным рабством прослеживается и в описаниях обязанностей зависимых сословий.

«Права господ вообще, можно сказать не ограничены, относительно имущества подвластных; одна личная справедливость и доверие к общему мнению ограничивают деспотизм князей над простым народом» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 21], – считал автор.

Развитие социальных отношений, по мнению Милютина, наложило свой отпечаток не только на общественное устройство, но и на организацию военного дела.

«Кабардинцев считают одним из воинственных народов Кавказа; – писал он, – но воинственность их – не дикая дерзость горцев, кабардинцы скорей похожи на рыцарей, которые смотрят на военное дело как на благороднейшее ремесло. У них еще как во времена рыцарства, у одних Князей и высших кланов мода участвовать в бою и заниматься военным делом; простой же народ бывает только для услужения при них в виде оруженосцев и конюхов. Кабардинцы действуют исключительно конными и отличаются изяществом своего вооружения и сбруи» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 13 об. – 14].

Отдельно автор останавливается на описании народных обычаев, регулировавших общественные отношения в Кабарде. К ним он относил выплату калыма, правила раздела имущества после смерти князя и систему штрафов за различные проступки. Главным началом, регулирующим все общественные отношения, он считал обычай кровной мести,

«который в отсутствие у них государственности каждый по неволе должен уважать; в Кабарде, как и у других народов Кавказа одна боязнь кровомщения удерживает злодейства и заставляет уважать постановления и обычаи, имеющие через то, как бы силу закона. У кабардинцев есть свои уголовные положения (разумеется, также, как и гражданские, только по обычаю), наподобие древнего Русского» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 24 об. – 25],

– пишет Милютин, вновь проводя параллели между современным ему состоянием Кабарды и европейским прошлым. Эта аналогия еще больше усилена

им при описании системы штрафов за различные проступки, которая по словам автора взималась не в денежной форме, а исключительно рабами и лошадьми.

«Если кто украдет у князя лошадь, или ограбит на дорогах человека, шедшего от князя или к князю, тот должен кроме возвращения украденного заплатить князю 8 лошадей, или вместо возвращения украденной лошади выдать одну рабыню» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 25 Об.],

– приводит автор один из местных адатов.

Вместе с тем, Милютин подчеркивал, что при описании адатов он

«старался более высказать древние обычаи (именно в том, чтобы показать национальный дух), чем настоящее его состояние, которое должно измениться очень скоро, и в котором нельзя ничего другого заметить, кроме какой-то неопределенности будущности, колебанием между старым и новым» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 28].

В этом он четко следовал ориенталистским установкам, исходившим из идеи, что только постигнув древнюю культуру народа, можно наладить действенную систему управления этническими территориями [Jersild 2002: 6]. Они, по словам Э. Саида, пытались через изучение языков, народов, истории и культуры, вывести чистый, классический Восток, который можно использовать для того, чтобы управлять и судить о Новом – современном Востоке [Саид 2021: 92].

В целом, работа Милютина подтверждает правоту идеи Саида о том, что

«ни один пишущий, думающий или действующий на Востоке не был способен это делать, не принимая во внимание ограничения, налагаемые Ориентализмом на мысли и действия» [Саид 2021: 21].

Не стал исключением и Д.А. Милютин, четко следовавший в своем описании Кабарды устоявшемуся «дискурсу» – набору общеевропейских суждений. Он и его рукопись явно входили в тот «четко очерченный круг текстов, авторов и идей, которые вместе составляют ориенталистский канон» [Саид 2021: 23].

Однако, рукопись также показывает и то, что влияние ориентализма на тональность подачи материала имперскими авторами далеко не означает их стремление к «примитивизации» и «обеднению» содержания описываемых ими этнических культур. Многие ориенталисты в своих текстах представили «глубоко проработанные и модулированные свидетельства» своего искреннего стремления описать фактическое состояние тех народов, которые входили в сферу их научного интереса [Саид 2021: 40]. Помимо ориенталистских клише в рукописи Д.А. Милютина присутствуют ценные фактические данные, превращающие его работу в оригинальный источник по истории региона. Представляется что талантливые военные исследователи, как Д.А. Милютин, понимали, что, предоставляя свои знания истории, этнографии, норм права и языков народов Кавказа в распоряжение имперской администрации, они помогают созданию эффективной системы управления регионом, служащей как силе и славе России, так и благу народов, вошедших в состав империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Jersild 2002 – *Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917.* – London: Itaca, 2002. – 273 p. (In English).

Knight 2000 – *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire?* // *Slavic Review.* – 2000. – № 59/1. – P. 74–100. (In English).

Laisram 2006 – *Laisram P.P. Viewing the Islamic Orient: British Travel Writers of the Nineteenth Century.* – New Delhi: Routledge Publ., 2006. – 360 p. (In English).

Nash 2016 – *Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830-1926.* – London-New York: Tauris Publ, 2016. – 261 p. (In English).

Pratt 1992 – *Pratt M.L. Imperial eyes: travel writing and transculturation.* – London; New York: Routledge, 1992. – 268 p. (In English).

Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н. Кабарда: история и фамилии.* – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 785 с.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К. Общественный строй адыгейских народов (XVIII — первая пол. XIX в.).* – М.: Наука, 1967. – 332 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. А.Х. Абазов.* – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 904 с.

Кузьминов 2009 – *Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении.* – Нальчик: Изд-во КБГУ, 2009. – 235 с.

Кузьминов 2018 – *Кузьминов П.А. Поиск оптимальной системы управления горцами на Северном Кавказе в истории кавказоведения в 60-е годы XIX в. // Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов.* – Ростов-на-Дону: Изд-во ООО «Альтаир», 2018. – С. 58-71.

Кумыков 2003 – *Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874) / Сост. Т.Х. Кумыков.* – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 410 с.

Милютин 1846 – *Милютин Д.А. Курс военной географии и военной статистики, преподаваемый в императорской Военной Академии генерального штаба подполковником Милютиным. Кавказский край.* – Санкт-Петербург: Рук., 1846. – 155 с.

Милютин 1848 – *Милютин Д.А. Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: из лекции полк. Милютина в Имп. Воен. акад.* – Б.м.: Рук., 1848. – 168 с.

Милютин 1919 – *Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина.* – Томск: Издание Военной академии, 1919. – 468 с.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки.

Саид 2021 – *Саид Э. Ориентализм.* – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 560 с.

REFERENCES

Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkesov (adygov) v Turtsiyu (1848-1874) [The Archives material on the Caucasus War and the Circassians (Adygas) Deportation into Turkey]. / Ed. by T.KH. Kumykov. – Nal'chik: El'-Fa Publ., 2003. – 410 p. (In Russ.)

BEITUGANOV S.N. Kabarda: istoriya i familii [The Kabarda: A History and Families]. – Nal'chik: El'brus Publ., 2007. – 785 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyy stroy adygeyskikh narodov (XVIII — pervaya pol. XIX v.)* [The Adyga People Social Development (XVIII – First Half of the XIX cc.)]. – М.: Nauka Publ., 1967. – 332 p. (In Russ.).

JERSILD A. *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917.* – London: Itaca, 2002. – 273 p.

KAZHAROV V.KH. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [The Selected Papers on History and Ethnography of Adyga People] / Ed. A.KH. Abazov. – Nal'chik: Pechatnyi dvor Publ., 2014. – 904 p. (In Russ.).

KNIGHT N. Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? IN *Slavic Review*. – 2000 – №. 59/1. – P. 74–100.

KUZ'MINOV P.A. *Epokha reform 50-70-kh godov XIX veka u narodov severnogo Kavkaza v dorevolyutsionnom kavkazovedenii* [The Epoch of the Reforms of 50-70-th Decades of XIX c. and the Caucasus people in the pre-revolutionary Caucasus studies]. – Nal'chik: KBGU Publ., 2009. – 235 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Poisk optimal'noi sistemy upravleniya gortsami na Severnom Kavkaze v istorii kavkazovedeniya v 60-e gody XIX v.* [The Search for the Optimal System of the Highlanders Management in the North Caucasus in the Caucasus studies of 60-th decades of XIX c.]. In: *Imperii, monarkhii, respubliki, konfederatsii kak formy osushchestvleniya vlasti na Kavkaze. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* / Ed. D.YU. Shapsugov. – Rostov: Al'tair Publ., 2018. – PP. 58-71. (In Russ.).

LAISRAM P.P. *Viewing the Islamic Orient: British Travel Writers of the Nineteenth Century*. – New Delhi: Routledge Publ., 2006. – 360 p.

MILUTIN D.A. *Kratkiy ocherk Kavkazskogo kraya v voennom otnoshenii: iz lektsii polk. Milyutina v Imp. Voen. akad* [Brief Overview of the Caucasus Region in Military Aspect: Excepted from the Lectures of the Colonel Milutin in the Imp. Military Academy]. – Manuscript, 1848. – 168 p. (In Russ.).

MILUTIN D.A. *Kurs voennoy geografii i voennoy statistiki, prepodavaemyy v imperatorskoy Voennoy Akademii general'nogo shtaba podpolkovnikom Milyutinym*. [The course of Military Geography and Military Statistics Distributed in the Imperial Military Academy of the General Staff by the Lieutenant Colonel Milutin]. – Saint-Petersburg: Manuscript, 1846. – 155 p. (In Russ.).

MILUTIN D.A. *Vospominaniya general-fel'dmarshala, grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina* [Memoirs of the General Field Marshall Count Dmitry Alexeevitch Milutin]. – Tomsk: Military Academy Publ., 1919. – 468 p.

NASH G. *From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830-1926*. – London-New York: Tauris Publ., 2016. – 261 p.

NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy Gosudarstvennoy biblioteki [Scientific and Research Sector of Manuscripts in Russian State Library]. (In Russ.).

PRATT M.L. *Imperial eyes: travel writing and transculturation*. – London; New York: Routledge, 1992. – 268 p.

SAID E. *Orientalizm* [Orientalism]. – M.: Garaj Publ., 2021. – 560 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.С. Ткаченко – доктор исторических наук.

Information about the author

D.S. Tkachenko – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 21.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 21.07.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.